

С7 2643

М84

нр 90

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ МУЗЕЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

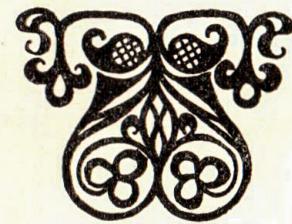
№ 12

К 50-летию музея

Б. Я. СТАВИСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ МУЗЕЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Краткая справка)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РЕКЛАМА»
Москва — 1969

В сентябре 1924 г., когда в ряде районов Средней Азии еще гремели выстрелы басмачей, в старинном городе Узгене, на востоке Ферганской долины, появилась небольшая экспедиция, организованная Туркестанским комитетом по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Туркомстарисом). Наряду с членом совета Туркомстариса

Ш. Рахими, инженером В. Красильниковым и архитектором Б. Засыпкиным в состав экспедиции входил профессор Б. Денике, научный консультант, а в недалеком будущем (с 1925 г.) директор Музея восточных культур, как назывался тогда Государственный музей искусства народов Востока. С тех пор Музей восточных культур активно включился в археологическое изучение братских среднеазиатских республик.

Экспедиция в Ферганскую долину проводилась в период, когда археологические работы в Средней Азии ограничивались наружным (без серьезных раскопок) изучением, фиксацией, реставрацией и охраной средневековых мусульманских архитектурных памятников. Такой же характер носила экспедиция 1924 г., обследовавшая знаменитые узгенские мавзолеи XI—XII вв. [1], равно как и поездка в 1925 г. Б. Денике в Семиречье и гор. Туркестан [2] и изучение в 1927 г. Б. Засыпкиным архитектурных памятников Шахрисабза, Мерва и ряда других пунктов Средней Азии [3]. Все эти работы про-

двинули вперед изучение истории архитектуры и архитектурного декора мусульманской Средней Азии*.

Еще более заметный след в анналах археологического изучения Средней Азии оставила экспедиция 1926—1928 гг., организованная Музеем восточных культур по договоренности со Средазкомстарисом, преемником Туркомстариса. Экспедиция начала свои работы осенью 1926 г. В ее состав входили Б. Денике и научные сотрудники А. Стрелков и В. Згура [4]. Еще до выезда на место раскопок экспедиция ознакомилась с хранящимися в Самарканде археологическими коллекциями и с замечательными архитектурными памятниками этого древнего города. Позднее, перед возвращением в Москву, Б. Денике совершил поездку в южную Туркмению, где осмотрел прославленные холмы и мечеть в Анау, а также городища Старая и Новая Ниса **. Но и Самарканд, и южная Туркмения были лишь вспомогательными объектами работ экспедиции 1926 г., сосредоточившей основное внимание на руинах Старого Термеза.

Лежащие на важном древнем пути, близ одной из основных переправ через Аму-Дарью, развалины Терме-

* Помимо упомянутых работ, материалы этих экспедиций были использованы и в первой сводной работе по искусству Средней Азии Б. Денике (см. его «Искусство Средней Азии». М., 1927) и позднее в ряде обобщающих работ такого же характера.

** Холмы возле железнодорожной станции Анау стали знамениты после раскопок, проведенных в 1904—1905 гг. экспедицией Р. Пэмпелли, когда здесь впервые в Средней Азии были открыты поселения древнейших земледельческих племен с замечательной расписной керамикой и другими изделиями эпохи энеолита, бронзы и раннего железа.

На городищах Нисы советские археологи А. Марущенко и коллектив во главе с М. Массоном открыли остатки парфянского города и многочисленные памятники культуры и искусства последних веков до н. э.—первых веков н. э.

за не были обойдены вниманием русских дореволюционных краеведов-любителей и ученых-ориенталистов. Еще в 1896 г. военный инженер И. Пославский опубликовал описание термезских развалин [5], снабженное выдержками сообщений о Термезе арабо- и персоязычных авторов, собранными В. Бартольдом. Этот выдающийся русский востоковед, заложивший основы изучения истории Средней Азии, дал позднее еще более полную сводку сведений письменных источников о средневековом Термезе [6]. Вопроса об этом городе и отдельных его постройках, сохранившихся на поверхности земли, касались в своих работах и другие исследователи [7].

В 1911 г. Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии по предложению академиков С. Ольденбурга и В. Бартольда предлагал провести в Термезе работы по первичной классификации, описанию, фотографированию сохранившихся развалин и определению целесообразности раскопок отдельных памятников [8]. Однако произвести детальную археологическую разведку Термеза до 1926 г. не удалось.

В 1926 г. экспедиция Музея восточных культур начала свои полевые исследования с осуществления плана, предложенного двумя крупнейшими русскими востоковедами. Было начато составление каталога развалин, обмеры сохранившихся построек, выделение зданий домусульманского периода, сделаны интересные открытия при изучении мусульманских памятников, и, наконец, были «высказаны некоторые соображения о порядке производства раскопок, связанные с уяснением характера зданий и культуры, их породившей» [9]. Экспедиция четко разграничила две группы развалин: приамударьинскую и привокзальную (более чем в 4—5 км к северу от реки). Первая была определена как остатки города, сохранившиеся после монгольского нашествия 1220 г. (с отдельными постройками более позднего времени),

вторая — как относящаяся, в основном, к послемонгольской поре. Сотрудники экспедиции, обратив особое внимание на башню Зурмала (иначе Катта-тюп), предположили, что это буддийская ступа, первый памятник такого рода на территории нашей страны [10]. Вновь были осмотрены уже известные ранее мусульманские сооружения, причем Б. Денике [11], опираясь на анализ архитектурных памятников Узгена и других городов мусульманской Средней Азии и Ближнего Востока, выявил среди них постройки XI—XII вв. — первоначальную гробницу-мавзолей Хакима ал-Термези, остатки минарета и, предположительно, загородную дворцовую постройку Кырк Кыз *.

По методам и характеру своих исследований экспедиция 1926 г. отличалась от предшествующих экспедиций в Среднюю Азию лишь большим масштабом работ (что отнюдь не умаляет ее достижений).

Заметный шаг вперед был сделан в следующий полевой сезон — осенью 1927 г. На этот раз в состав экспедиции входили Б. Денике, Б. Засыпкин, А. Стрелков,

* Определение Кырк Кыза как дворца, предложенное В. Згура (статья «Развалины дворца около Термеза». — «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур», вып. 1. М., 1927. стр. 19—26), принято в новейшей литературе. Датировка этой интересной постройки была уточнена; она определена как IX в. (Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 123—124).

Минарет в Старом Термезе. Построен в 424 г. хиджры (конец 1031—1032 гг.) (ныне не сохранился). Фотография экспедиции Музея восточных культур. 1926 г.

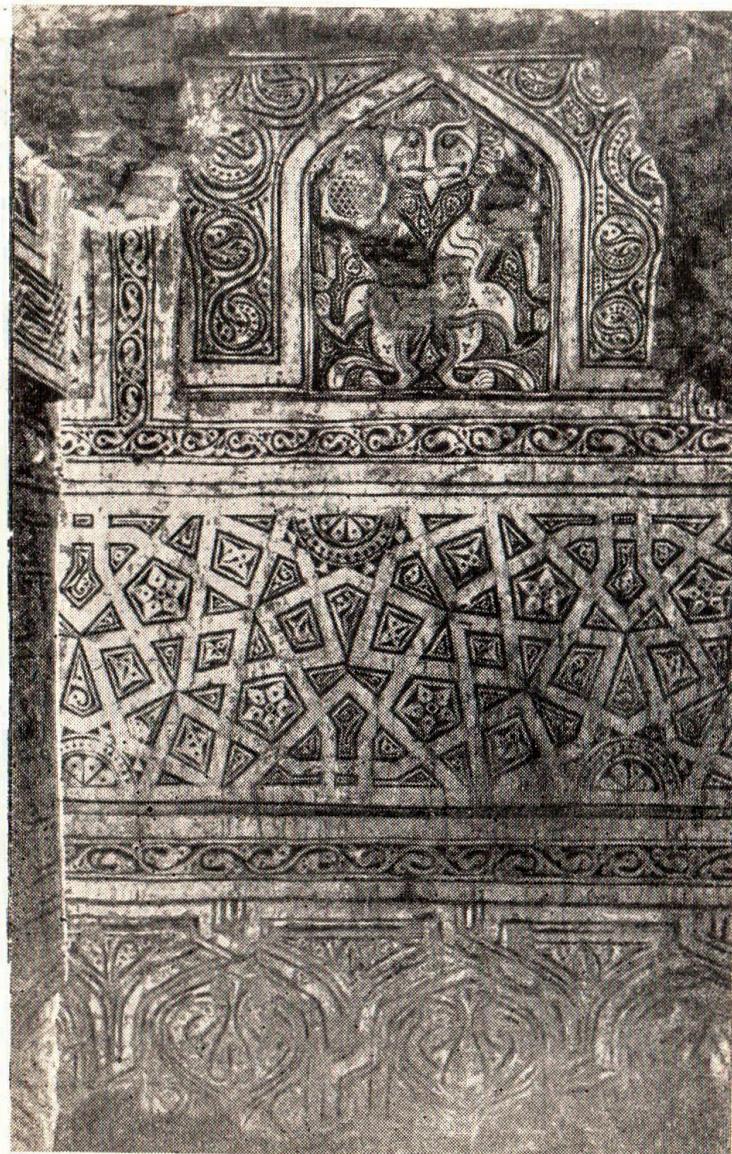
казанский исследователь П. Корнилов и известный среднеазиатский археолог, директор Самаркандского музея В. Вяткин. Некоторое время в экспедиции работал также студент-востоковед Ленинградского университета А. Некрасов [12].

Как и годом ранее, экспедиция совмещала углубленное изучение Термеза с рекогносцировочными поездками: Б. Денике и П. Корнилов осмотрели архитектурные памятники ферганских городов Маргелана (Узбекская ССР) и Ура-тюбе (Таджикская ССР), а А. Некрасов посетил Нису, где собрал для Музея восточных культур подъемную керамику. В Джар-Кургане (к северо-востоку от Термеза) был впервые изучен и обмерен минарет 1108—1109 гг. [13], этот интересный памятник архитектуры Средней Азии был, таким образом, введен в научный обиход *.

В самом Термезе работы заметно расширились. В. Вяткин и Б. Засыпкин произвели глазомерную съемку восточной части Старого Термеза. Б. Засыпкин изучил и обмерил все упоминавшиеся ранее архитектурные памятники: минарет, комплекс Хакима ал-Термези, Кырк Кыз, группу мавзолеев Султан-Саодат и так

* Б. Засыпкин предварительно датировал минарет XII—XIII вв. Точная дата его (после прочтения надписей) установлена В. Шишкиным. (В. А. Шишкин. Минарет в Джар-Кургане. Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, т. II. Ташкент, 1950, стр. 67).

Панно с изображением фантастического зверя. Часть резной штукатурки, украшавшей парадный зал дворца термезских владетелей XI—XII вв. Раскопки экспедиции Музея восточных культур. 1928 г.

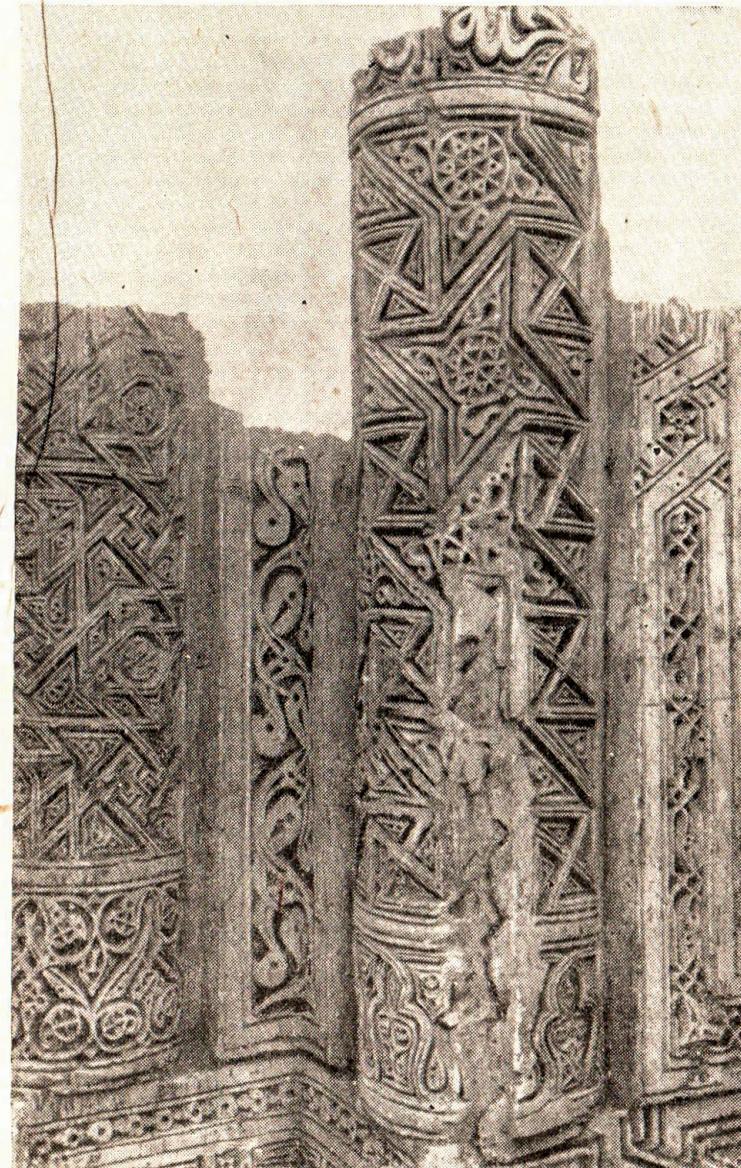

называемое «гофрированное здание» [14]. В. Вяткин разобрал надпись на термезском минарете, определив точную дату его сооружения — 423 г. хиджры (конец 1031—1032 гг. н. э.) *. Большое значение и для изучения Термеза, и для археологии Средней Азии имела предварительная классификация подъемной керамики. В результате наблюдений было установлено, что на разных участках Старого Термеза преобладают разные ее типы. Так, красноангобированная керамика (позднее определенная как керамика кушанского периода первых вв. н. э.) была собрана, в основном, возле холма Чингиз-Тепе; поливная X—XII вв. — в восточной части городища; тимуридская XV—XVI вв. — в привокзальной группе развалин [15]. Крупным вкладом в науку было также открытие А. Стрелковым фрагментов буддийской скульптуры и каменных архитектурных деталей [16]. Наряду с башней Зурмала эти памятники привлекли к Термезу внимание ученых, изучающих буддизм, Индию и буддийское искусство **.

* Первоначально (Культура Востока. Сборник Музея восточных культур, вып. 2. М., 1928, стр. 4) перевод этой даты в наше исчисление был сделан не совсем верно — 1031 г. н. э. На деле 423 г. хиджры начинался в декабре 1031 г. н. э. (М. Е. Массон. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. Материалы Узкомстариса, вып. 2—3. Ташкент, 1933, стр. 5, прим. 10).

** Откликом на работы экспедиции 1926—1928 гг. была статья известного французского китаиста П. Пельло. (Доклады АН СССР, серия В. 1929, № 16, стр 297—298).

Часть резной штукатурки, украшившей парадный зал во дворце термезских владетелей XI—XII вв. Раскопки экспедиции Музея восточных культур. 1928 г.

Но едва ли не самым важным было открытие в восточной части Старого Термеза остатков крупной сырцовой постройки (здание № 1) с резной гипсовой облицовкой. Шурфы, заложенные внутри постройки, показали, что перед исследователями парадное здание, стены которого украшала богатая резьба по местной разновидности гипса-ганчу. Уже предварительное изучение этой резной штукатурки позволило отнести ее к XI—XII вв. и утверждать большое историко-культурное и историко-художественное значение объекта [17].

Разведочные шурфы были заложены в 1927 г. еще в нескольких местах городища. Так наряду с разведывательными поездками, тщательным наружным изучением и фиксацией наземных памятников были осуществлены (пока, правда, в ограниченных размерах) целенаправленные археологические раскопки.

В следующем сезоне — в 1928 г. — раскопки велись уже широким фронтом. В отличие от экспедиций 1926 и 1927 гг. общие итоги работ 1928 г. не были опубликованы, и мы можем судить лишь о результатах раскопок дворцового комплекса — «здания № 1» [18], основного и наиболее ценного объекта работ экспедиции этого года*. Сотрудникам экспедиции ** удалось раскопать половину большого парадного зала с двумя рядами массивных пилонов. И стены и пилоны снизу доверху были покрыты резной штукатуркой более чем с 60 различными орнаментальными мотивами; в этот пышный ковер всевозможных узоров были умело вплетены панно

с изображениями животных. Термезский дворец XI—XII вв. с его замечательным архитектурным декором занял почетное место среди памятников искусства Средней Азии и всего мусульманского Востока *.

Таковы результаты первой самостоятельной экспедиции Музея восточных культур 1926—1928 гг. Подводя итоги развитию археологии в Узбекистане за 25 лет Советской власти, видные исследователи Средней Азии С. Толстов и В. Шишгин так оценили работы 1926—1928 гг.: «Эта первая значительная археологическая экспедиция впервые в Узбекистане поставила широкие комплексные работы и подготовила почву для развития археологических работ в нашей республике...» [19].

Полностью соглашаясь с этой высокой оценкой экспедиции Музея восточных культур, следует лишь добавить, что работы экспедиции явились также началом нового этапа в истории археологических исследований не только в Узбекистане, но и во всей Средней Азии вообще: наступила пора широких археологических работ, сочетающих разведывательные поездки с систематическими раскопками и углубленным историко-культурным анализом добытых материалов.

Экспедиция 1926—1928 гг. подняла авторитет музея как важного центра изучения культуры и искусства Востока в Москве и способствовала координации его работ с другими научными учреждениями и исследователями. Это стало особенно очевидно при организации в 1927 и 1928 гг. выставок научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии.

* Помимо раскопок «здания № 1» в 1928 г. велись разведывательные раскопки на цитадели, а также были продолжены обмеры руин и топографическая съемка городища.

** В состав экспедиции 1928 г. помимо участников работ 1927 г. вошли также молодые искусствоведы Б. Веймарн и В. Чепелев.

* Раскопки дворца были продолжены в 1936—1937 гг. крупной Термезской археологической комплексной экспедицией, возглавляемой М. Массоном. Сведения о дворце и его декоре приводятся почти во всех сводных работах по истории искусства Узбекистана, Средней Азии и Ближнего Востока.

В экспозициях наряду с материалами экспедиции музея были представлены и итоги работ 1924 г. в Узгене, и результаты изучения живописи мавзолея Биби-Ханым в Самарканде (XV в.) художником И. Мрочковским, материалы и фотографии, присланные среднеазиатскими учреждениями [20].

В последующий период основное внимание научного коллектива музея было сосредоточено на изучении искусства советского периода, народно-декоративного и прикладного искусства. Но в ходе своих работ сотрудники музея касались и археологических памятников. В довоенные годы эта работа осуществлялась во время научных командировок в Среднюю Азию Б. Денике*, В. Чепелева, Б. Веймарна и др.** После войны — в экспедициях, организованных музеем совместно с местными научными учреждениями. Так, в 1946 г. экспедиция музея в составе Б. Веймарна, Н. Черкасовой и Г. Чепелевецкой выехала в Хиву, где она работала

* В литературе упомянута лишь одна его поездка в 1935 г. в Бухару и Самарканд для изучения местной живописи по ганчу XIV—XVII вв. (М. Е. Массон. Археологические работы в Узбекистане в 1933—1935 гг., сб. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935». М.—Л., 1939, стр. 127. Ср. журн. «Социалистическая наука и техника». Ташкент, 1936, № 2, стр. 51). Между тем таких выездов Б. Денике было несколько. Так, в 1937 г. он вместе с фотографом М. Засыпкиным ездил в Среднюю Азию и, в частности, посетил Термез, где была произведена фотофиксация всех открытых к тому времени остатков дворца. (Упоминание об этой поездке см. у Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, стр. 48). Более подробным сведениям о ней я обязан любезности М. Засыпкина.

** Как любезно сообщил мне Б. Веймарн, в 1933 г. состоялась поездка в Среднюю Азию В. Чепелева, в 1936 г. — В. Чепелева и Б. Веймарна, в 1940 г. — длительная командировка Б. Веймарна, Н. Черкасовой и Г. Чепелевецкой.

в содружестве с Узбекским институтом искусствознания. Годом позже состоялась такая же экспедиция в Самарканд, Бухару и Коканд. При этом, особенно в Хиве, изучались этнографические материалы XIX—XX вв. и некоторые средневековые памятники с целью проследить пути развития орнамента, начиная с XI в. до наших дней [21].

Переход Б. Веймарна и Н. Черкасовой (1948—1949 гг.) на работу в Академию художеств СССР заметно ослабил коллектив музея, в котором не осталось специалистов по древнему и средневековому периодам истории культуры и искусства Средней Азии*.

С 1949 по 1961 г. музей в археологическом изучении Средней Азии не участвовал. Возвращение в 1961 г. к этой работе связано с приходом в отдел Советского Востока молодого археолога А. Кусургашевой, которая уже в 1962 г. присоединилась к Среднеазиатской экспедиции, организованной отделом Востока Эрмитажа. С тех пор совместная археологическая экспедиция наших музеев ежегодно ведет полевые исследования в Таджикиской и Узбекской ССР.

В Таджикистане в содружестве с Академией наук этой республики наша экспедиция изучает археологические памятники Верхнего Зеравшана, в том числе могильники кушанского времени (первые вв. н. э.) и крепость VII—VIII вв. в селении Кум; здесь же, возле селения Мадм, раскапывались остатки интересного архитектурного комплекса — горной резиденции согдийского владельца VII—VIII вв. и были найдены украшенные резьбой деревянные фризы, колонны, двери и т. п.**.

* Еще в начале войны музей потерял двух своих ведущих работников — Б. Денике и В. Чепелева.

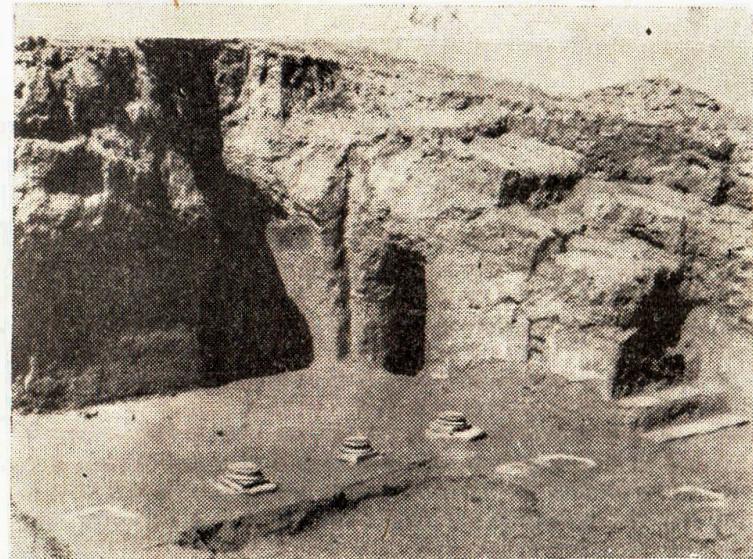
** В работах на Верхнем Зеравшане под руководством Б. Стависского участвовали сотрудники музея А. Кусургашева и Т. Еникеева.

В Узбекистане основным объектом исследования экспедиции на протяжении всех лет является холм Кара-тепе в Старом Термезе. Этот холм со следами засыпанных песками пещер впервые привлек к себе внимание еще в 1928 г. Участник экспедиции музея А. Стрелков высказал тогда предположение, что это буддийский пещерный монастырь. В 1934 г. его обследовал узбекский археолог Г. Парфенов, в 1936 г.— тот же А. Стрелков и сотрудники Эрмитажа В. Кесаев и Б. Пиотровский (все трое участвовали тогда в Термезской экспедиции, возглавляемой М. Массоном). Наконец в 1937 г. Е. Пчелина, также участница Термезской экспедиции, начала здесь разведочные раскопки. Однако систематическое изучение Кара-тепе осуществляется лишь с 1961 г. нашей экспедицией [22].

Совместная экспедиция Эрмитажа и нашего музея планомерно раскапывает Кара-тепе. Она не ограничивается отдельными эффектными находками, а полно и всесторонне изучает памятник. Многолетние работы оправдали и выбор его в качестве объекта таких исследований, и дальнейшее продолжение его раскопок*.

Удалось установить, что Кара-тепе уникальный памятник культуры и искусства. Раскопки показали, что этот огромный буддийский культовый центр относится ко II—IV вв., то есть к той эпохе в истории народов

* В работах на Кара-тепе под руководством Б. Стависского участвовали А. Кусургашева (до ее ухода из музея в 1965 г.) и молодые сотрудники музея Н. Юдочкина-Сычева и Э. Ганевская. Н. Сычева работает сейчас над керамикой Кара-тепе. (Н. Сычева. Керамика Кара-тепе. Сб. «Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.)». Л., 1968, стр. 46).

Раскопки одного из храмов буддийского культового центра II—IV вв. на холме Кара-тепе в Старом Термезе. Фотография совместной экспедиции Эрмитажа и Государственного музея народов Востока, 1967 г.

Средней Азии, Афганистана, Индии и Пакистана, когда на их землях располагалось могущественное, но до сих пор слабо изученное Кушанская царство. Выяснилось также, что Кара-тепе—один из наиболее ранних буддийских памятников Средней Азии и Восточного Туркестана, то есть тех областей, которые в течение многих столетий играли важную роль в распространении буддизма в Центральную Азию и на Дальний Восток. Более того, раскопки на Кара-тепе привели к открытому разноязыч-

ных надписей, выполненных индийскими алфавитами брахми и кхарошти и местным кушанским письмом, основанным на использовании греческого алфавита, а также среднеперсидских (сасанидских) надписей. Все это дало в руки востоковедов разных специальностей первую, столь разнообразную эпиграфическую коллекцию кушанской Средней Азии.

В ходе раскопок на Кара-тепе определился общий характер этого замечательного памятника: в песчаниковой толще холма в древности было выдолблено несколько десятков крупных пещерных храмов. Сейчас выявлено уже восемь таких сооружений, причем в двух из них ведутся систематические раскопки. Оба эти храма включали замкнутые центральные помещения-святилища, окруженные со всех сторон сводчатыми обходными коридорами. Каждый храм имел два выхода наружу, у одного из которых находилась небольшая жилая пещера-келья монаха-служителя. Снаружи к пещерным храмам примыкали большие дворы, обрамленные колоннами портиками-айванами; здесь же располагались наземный храм и различные вспомогательные сырцовые постройки. Стены храмов, айванов и келий в древности покрывали росписи. В святилищах и специальных нишах айванов стояли буддийские каменные или ганчевые статуи. В святилищах размещались также каменные рельефы с изображениями людей, животных, архитектуры. Центральные части дворов располагались ниже уровня айванов и, как и некоторые помещения храмов, были снабжены лестницами. В центрах дворов находились, вероятно, буддийские платформы и ступы, которые были украшены каменными рельефами и как будто бы крупными ганчевыми статуями.

Кроме остатков архитектуры, архитектурного декора (росписей и рельефов), фрагментов статуй и буддийских культовых атрибутов, в ходе раскопок Кара-тепе най-

дены многочисленная керамика, терракоты, кушанские монеты. Интересно, что среди керамических находок встречены крышки культовых коробочек, аналогичные найденным в Северной Индии; сосуды, подражающие римским изделиям; терракоты, свидетельствующие о связях со скотоводческими племенами среднеазиатского севера. Эти находки наряду с каменными рельефами, дарственными текстами на глиняной посуде и надписями на стенах пещерных храмов позволяют по-новому осветить международные связи кушанской Средней Азии, столь важные для углубленного изучения ее искусства и культуры, равно как и истории, культуры и искусства близлежащих стран и областей.

Раскопки Кара-тепе привлекли к себе пристальное внимание широких слоев научной общественности в нашей стране и за рубежом *. И вновь, как это было в конце двадцатых годов, археологические работы музея вошли в историю среднеазиатской археологии. «Совершенно исключительный интерес представляют раскопки крупного буддийского культового центра, обнаруженного на холме Кара-тепе», — пишет в своей заметке, посвященной пятидесятилетию изучения Средней Азии советскими археологами, видный советский востоковед академик Б. Гафуров [23]. Большое значение этих раскопок отмечают и узбекские ученые [24]. Материалы из раскопок Кара-тепе были также в центре внимания участников международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанский период, созванной по инициативе ЮНЕСКО осенью 1968 г. в Душанбе.

* К работе над изучением каратепинских находок помимо советских ученых теперь подключился ряд иностранных исследователей, в частности проф. Янош Харматта (Венгрия), представивший для сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе» две статьи о каратепинских надписях.

Государственный музей искусства народов Востока, верный лучшим традициям своих предшественников, вновь вносит посильный вклад в изучение славного прошлого братских народов Советской Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. Н. Засыпкин. Изучение древних сооружений Средней Азии. Журн. «Новый Восток», 1925, №№ 10—11, стр. 257—270; Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация. Сб. «Вопросы реставрации». Вып. I. М., 1926, стр. 137—178; Б. Н. Засыпкин. Памятники Узгена. Сб. «Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии (1924—1926 гг.). Музей восточных культур. Отдел Советского Востока». М., 1927, стр. 7—10.
2. И. И. Умняков. Археологические и ремонтно-реставрационные работы Средазкомстариса в 1927 году. Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 265.
3. И. И. Умняков. Археологические и ремонтно-реставрационные работы Средазкомстариса в 1927 году, стр. 269; Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. Сб. «Вопросы реставрации». Вып. 2. М., 1928, стр. 207—284.
4. Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Термез (Предварительный отчет). «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 1. М., 1927, стр. 9—18.
5. И. Т. Пославский. О развалинах Термеза. Среднеазиатский вестник, 1896, декабрь (Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Вып. 1. 1896, стр. 1—7).
6. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Спб., 1900, стр. 76—78 (Соч., т. I. М., 1963, стр. 125—126); В. В. Бартольд. Термез. Соч., т. III. М., 1965, стр. 504—508.
7. М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Узбекистанского филиала АН СССР, серия 1. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция. Ташкент, 1940—1941, стр. 13—34.
8. Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Серия 2, № 1. Спб., апрель 1912, стр. 60—62.
9. Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Термез. (Предварительный отчет). «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 1. М., 1927, стр. 11.

10. А. С. Стрелков. Зурмала или Қатта-тюпे около Термеза. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 1. М., 1927, стр. 27—30.
11. Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Термез. (Предварительный отчет). «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 1. М., 1927, стр. 14, 17.
12. Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 3—16.
13. Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 36—39 (ср. рис. 106 на стр. 21); Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. Сб. «Вопросы реставрации». Вып. 2. М., 1928, стр. 287—288.
14. Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 17—40.
15. Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 4, 8—9.
16. А. С. Стрелков. Доисламские памятники Древнего Термеза. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 41—47.
17. Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 3—4, 9—12.
18. Б. П. Денике. Изображение фантастических зверей в термезской резной декорации. Сб. «Искусство Средней Азии». М., 1930, стр. 81—85. Б. П. Денике. Резная декорировка здания, раскопанного в Термезе. Сб. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935». М.—Л., 1939, стр. 39—44; Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, стр. 48—70; Б. В. Веймарн. Орнаментация дворца XII в. в Древнем Термезе. Журн. «Искусство», 1934, № 6, стр. 104—113; П. Е. Корнилов. Изучение искусства Средней Азии. Материалы Центрального музея ТССР, № 2. Казань, 1930, стр. 3—10.
19. С. П. Толстов и В. А. Шишкин. Археология. Сб. «25 лет советской науки в Узбекистане». Ташкент, 1942, стр. 261.
20. Сб. «Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии (1924—1925 гг.). Музей восточных культур. Отдел Советского Востока». М., 1927, стр. 7—10 (с заметками И. Н. Бородина, Б. П. Денике, И. К. Мрочковского и Б. Н. Засыпкина); Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года. «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур». Вып. 2. М., 1928, стр. 7.
21. Б. В. Веймарн. Изучение орнамента Хивы XIV—XIX вв. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 28. М.—Л., 1949, стр. 110—144; Н. В. Черкасова. Памятники резьбы по дереву в Хиве. Там же, стр. 115—116.
22. «Кара-тепе—буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе (Материалы совместной экспедиции на Кара-тепе, под общей редакцией Б. Я. Ставицкого)». М., 1964. «Материалы совместной экспедиции на Кара-тепе». Вып. 2 и 3. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе» и «Буддийский культовый центр на холме Кара-тепе в Старом Термезе»—в печати; «Сообщения Государственного Эрмитажа». Вып. 27. Л., 1966; сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967; сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968.
23. Б. Г. Гафуров. Средняя Азия. Год 1967 (1917—1967. Большое пятидесятилетие. Наука на марше). Журн. «Наука и жизнь», 1967, № 4, стр. 33.
24. М. Р. Касымов. Археологические работы в Узбекистане. Сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 329.

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ СТАВИСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
МУЗЕЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редактор Е. Тогонидзе.

Художественный редактор В. Недогонов.

Технический редактор А. Царев.

Корректор В. Крылова.

Л 89347. Сдано в набор 24/X-68 г. Подписано к печати 13/III-69 г.
Формат бумаги 70×90^{1/32}. Печ. л. 0,75. Уч.-изд. 0,6. Усл. п. л. 0,88.
Высокая печать. Изд. № 437. Тираж 1000 экз.
Заказ 815. Цена 4 коп.

Издательство «РЕКЛАМА», Кропоткинская наб., 15.
Тип. № 1 Мосгорисполкома. Москва, ул., Макаренко, 5/16.

Цена 4 коп.

